

считается одной из первых крупных структуралистских школ мира. Велики также заслуги и более консервативной Амстердамской школы. Без этого история европейской этнографии выглядит неполной. В числе более мелких недостатков можно отметить отсутствие специального раздела библиографии с рекомендательными списками литературы. В книге библиография невелика и дана в пограничных ссылаках. Можно было бы также расширить указатели, помещенные в конце издания.

Однако, несмотря на все эти упущения, советская этнографическая общественность с полным правом может выразить глубокую благодарность одному из своих виднейших представителей, профессору Сергею Александровичу Токареву, за глубокий и содержательный труд, необходимость в котором ощущалась многие годы.

М. А. Членов

НАРОДЫ СССР

Ю. И. Кирьянов. *Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.)*. М., 1979, 285 с.

Изучение экономического положения рабочих дореволюционной России — одна из самых актуальных научных проблем. Находясь на стыке ряда общественных наук, она, естественно, привлекала и привлекает внимание ученых разных специальностей — историков, этнографов, экономистов, социологов. Появилось большое количество исследований по этой теме. Но при обилии работ локального и узкоспециального характера, охватывающих отдельные аспекты проблемы экономического положения пролетариата, до сих пор крайне редки обобщающие труды, где бы эта проблема рассматривалась в целом и к тому же не в статике, а в динамике.

Именно таким исследованием является рецензируемая монография Ю. И. Кирьянова. Не претендуя на исчерпывающую характеристику проблемы экономического положения рабочих, автор берет из нее наиболее существенное — удовлетворение основных потребностей. Назвав это «жизненным уровнем рабочих», он рассматривает его главные компоненты — бюджет времени, заработную плату, питание, жилищно-бытовые условия. Каждому из них посвящена особая глава монографии.

Во «Введении» дается обзор использованных источников и краткий очерк состояния изученности проблемы. И то и другое, несомненно, заинтересует всех, кто изучает историю пролетариата России. Но главную ценность, на наш взгляд, представляет попытка теоретического осмысления самих понятий «экономическое положение» и «жизненный уровень» рабочих (как уже отмечалось, Кирьянов разделяет эти два понятия).

Приведенные во «Введении» высказывания классиков марксизма-ленинизма о сущности, особенностях и компонентах экономического положения пролетариата, его жизненного уровня в эпоху капитализма и факторах их изменений, прокомментированные и систематизированные автором монографии, образуют прочную методологическую основу исследования. Особенно важное, можно сказать ключевое, значение имеет здесь определение сущности уровня жизни как достигнутого уровня потребления и в то же время степени удовлетворения постоянно растущих потребностей (с. 4). Выяснение диалектической взаимосвязи этих понятий (уровня потребления и потребностей) позволяет глубже разобраться в действии открытого К. Марксом закона абсолютного и относительного обнищания пролетариата в условиях капитализма.

Опровергая распространенные вплоть до недавнего времени в литературе неверные выводы из этого закона, Ю. И. Кирьянов сначала теоретически — во «Введении», а затем на конкретном фактическом материале в главах монографии — показывает, что под влиянием технического прогресса и особенно в результате борьбы рабочих за свои права, жизненные условия пролетариата капиталистической России медленно, но неуклонно улучшались. В частности, наблюдалось сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, известное улучшение питания и жилищно-бытовых условий рабочих.

Однако по мере развития промышленности и пролетариата, превратившегося из «класса в себе» в «класс для себя», все больше углубляется противоречие между экономическим положением рабочих и их растущими потребностями. Ограниченные возможности удовлетворения потребностей, усиление эксплуатации рабочих, рост общественного неравенства — таковы общие закономерности, приводящие к абсолютному и относительному обнищанию пролетариата в капиталистическом обществе. В России этот процесс усугубляется феодально-крепостническими пережитками в социально-экономическом

ческом строе, неравномерностью развития разных сфер народного хозяйства, наличием огромной армии безработных и полубезработных, реакционной политикой царизма. Отсюда — особенно тяжелые условия жизни российского пролетариата.

Но условия эти не оставались неизменными. И это убедительно показано в рецензируемой монографии путем анализа происходивших на протяжении всей эпохи капитализма процессов и выявления действующих здесь закономерностей. При этом автор широко применяет комплексный подход, учитывая взаимосвязь всех компонентов жизненного уровня рабочих.

Тщательно проведенное изучение разнообразных (и, как правило, массовых) цифровых данных, взятых в широких хронологических рамках (с 70—80-х годов XIX в. по 1913 г.), позволяет не только увидеть происходившие изменения в занятости рабочих, но и проследить динамику этого процесса в условиях капиталистической России, выявить его закономерности. Этой цели служат многочисленные тематические таблицы. Как правило, их отличает высокий уровень обработки и теоретического осмысления содержащегося в них цифрового материала. Таковы, в частности, табл. 1, 3, 4, 6 (с. 44—45, 52—53, 57, 60—61).

Рассматривая бюджет рабочего времени, Ю. И. Кирьянов подробно исследует продолжительность и структуру рабочего и свободного времени, их соотношение на различных этапах развития промышленности и самого рабочего класса. Составленные автором сравнительные таблицы показывают повсеместную (в том числе и в отсталых районах и отраслях) тенденцию к сокращению рабочего времени (как длительности рабочего дня, так и продолжительности годового рабочего периода). В целом по России за период с 70—80-х годов XIX в. по 1913—1914 гг. «чистое» рабочее время уменьшилось на 2—4 часа (с 12—14 до 10 часов), а продолжительность всего времени, отдаваемого производству (с учетом обеденного перерыва, сверхурочных работ, времени на дорогу и т. д.) — на 2 часа (с 15—16 до 13—14 часов) (см. с. 71—72).

Нерабочее время, особенно в XIX в., лишь немногим превышало часы, необходимые для сна и восстановления сил. Крайне ограниченными были и возможности реализации досуга рабочих. Во всем этом наглядно проявились низкий жизненный уровень русских рабочих, высокая степень их эксплуатации.

Несмотря на отмеченное выше уменьшение занятости рабочих, условия их труда по-прежнему оставались тяжелыми. Ю. И. Кирьянов справедливо отмечает неравномерность проявления прогрессивных тенденций в изменении структуры бюджета времени рабочих в разных промышленных районах и отраслях, а также противоречивый характер происходивших здесь процессов. Большое внимание он уделяет малоизученному вопросу усиления интенсивности труда, в частности сверхурочным работам, получившим особенно широкое распространение в начале XX в.

Не забывает он отметить и существование в промышленности России (даже в период наивысшего расцвета капитализма) «скрытых форм» эксплуатации рабочих, в частности использование их труда во внеурочное время, обычно не учитывавшихся официальной статистикой. В итоге, пишет Ю. И. Кирьянов, общий «баланс изменений в условиях труда, связанных с тридцатилетней борьбой пролетариата за сокращение рабочего времени, свидетельствовал о несравненно более скромных достижениях, чем те, которые были „на поверхности“ и отражали уменьшение рабочего дня» (с. 88).

Вывод о сохранении на протяжении всей эпохи капитализма, несмотря на происходившие положительные сдвиги, низкого жизненного уровня рабочих России подтверждается также анализом заработной платы, питания и жилищно-бытовых условий рабочих во второй половине XIX — начале XX в.

Из проблем, рассмотренных в этих главах, наибольшую сложность (и важность) представляет определение размеров заработной платы рабочих. Известно, что именно здесь из-за недостатка источников и неразработанности методики их использования до сих пор нередко допускаются серьезные ошибки. Избегнуть их помогает Ю. И. Кирьянову расширение источниковедческой базы исследования (главным образом за счет архивных документов, материалов периодической печати и воспоминаний рабочих), а также тщательный отбор цифровых данных с проверкой их точности и полноты. Составленные на основе такого рода источников тематические таблицы позволяют проследить динамику изменений средней заработной платы фабрично-заводских рабочих с 1897 по 1913 г. (например, табл. 11 и 12. с. 103—105). Представленные в них массовые сведения (по всей Европейской части России) дополняются анализом динамики заработной платы за этот же период по отраслям и губерниям (табл. 13, с. 108—109) и, кроме того, корректируются сведениями по отдельным предприятиям двух наиболее типичных (и во многом отличающихся друг от друга) промышленных районов — Петербургского и Центрально-промышленного (табл. 15, 16, 18, 19, 20; с. 114, 117, 122, 124, 126). В результате получается достаточно полная и убедительная картина, в которой четко прослеживается тенденция повышения размеров средней заработной платы, а также нивелировки крайних ее показателей — у высокооплачиваемых и низкооплачиваемых групп рабочих.

Чрезвычайно осторожно подходит автор к определению размеров реальной заработной платы рабочих и к происходившим здесь сдвигам. Не располагая по этому вопросу сопоставимыми массовыми данными, он пользуется в основном сведениями локального характера — по отдельным промышленным районам, отраслям, а также по отдельным предприятиям и специальностям рабочих. Однако строго продуманная ме-

тодика использования этих сведений (в частности, отбор наиболее типичных примеров, как правило, за длительный период), а также удачная группировка цифровых показателей в таблицах позволяют и на этих материалах выявить основную тенденцию процессов, их динамику. Сопоставление заработков рабочих двух ведущих промышленных районов страны — Петербургского и Центрально-промышленного — с индексами цен по этим же районам дает представление о сдвигах в реальной заработной плате рабочих России примерно за полвека (с 60—70-х годов XIX в. по 1913 г.). Сдвиги эти были незначительными. Если в пореформенный период уровень реальной заработной платы несколько повысился (несмотря на кризисы и колебания цен, особенно на сельскохозяйственные продукты), то в 1900—1913 гг. рост дороговизны свел почти на нет увеличение заработков рабочих. При этом, как отмечает Ю. И. Кирьянов, наряду с общими закономерностями эволюции заработной платы в России наблюдались существенные различия, связанные с профессией рабочих, их принадлежностью к той или иной отрасли промышленности, и, наконец, местонахождением предприятия. По мере развития фабрично-заводской промышленности происходило постепенное сглаживание указанных различий. Но в специфических условиях России этот процесс шел медленно и даже в 1913—1914 гг. еще не был завершен.

Раздел второй главы «Уровень заработной платы рабочих» (§ 5, с. 145—152) как бы подытоживает все вышеуказанное. Используя сведения о бюджетах рабочих разных городов и промышленных районов (Петербурга, Баку, Киева, Московской и Петербургской губерний) автор показывает значительный удельный вес дефицитных бюджетов и недостаточность заработка главы семьи, вынуждавших идти на производство членов семьи, в том числе подростков и детей. Все это является убедительным доказательством низкого уровня заработной платы рабочих в дореволюционной России. Некоторое повышение оплаты труда рабочих в конце XIX — начале XX в. в условиях развитого капитализма сопровождалось интенсификацией труда (о чем уже говорилось в главе о бюджете времени).

Но самое главное, как подчеркивает Ю. И. Кирьянов, заключалось в том, что по мере ускорения темпов социально-экономического развития страны и процесса формирования пролетариата, успехов его борьбы под руководством революционной социал-демократии росли потребности рабочих, изменялись сами их представления о «жизненном стандарте». В результате усиливался разрыв между запросами рабочих и возможностями их удовлетворения. Не случайно вопрос о повышении заработной платы занимает все большее место в требованиях, выдвигаемых рабочими во время забастовок.

Основная идея монографии — увеличение разрыва между растущими потребностями рабочих и реальной возможностью их удовлетворения — последовательно развивается и в главах третьей и четвертой (о питании и жилищно-бытовых условиях рабочих). В них также содержится богатый фактический материал, тщательно проанализированный автором. Он несомненно заинтересует не только историков, но и этнографов, поскольку рассматривающиеся в этих главах вопросы непосредственно связаны с изучением материальной культуры, обычно составляющей предмет этнографических исследований. В этом плане особенно ценны обобщенные в таблицах данные об изменении соотношения типов жилищ рабочих Европейской России (табл. 34, 35; с. 230—232, 235). Построенные в значительной мере на новых, впервые вводимых в научный оборот материалах¹, охватывающих весь период существования капитализма в России, они наглядно показывают наряду с разнообразием локальных условий общую тенденцию постепенного вытеснения самых архаичных («патриархальных») типов расселения рабочих, особенно для них невыгодных и тяжелых. То же самое происходило и с питанием рабочих (с. 153—167). Показывая роль различных факторов в этом процессе (и прежде всего классовой борьбы рабочих), автор и здесь (как и в главах о зарплате и бюджете времени) обращает внимание на противоречивый характер происходящих изменений. Так, улучшение жилищных условий (особенно заметное в начале XX в.) сопровождалось усилением скученности рабочих в получавшем все большее распространение в это время новом типе жилья — комнатах-каморках. Некоторому улучшению питания (изменению соотношения его типов и структуры пищевого рациона) сопутствовало ухудшение качества потреблявшихся продуктов.

Большой интерес представляют проведенные Ю. И. Кирьяновым расчеты структуры бюджетов рабочих (например, определение доли расходов на питание и жилье), наглядно иллюстрирующие низкий жизненный уровень рабочих капиталистической России (с. 199—211, 259—262).

Вскрытые в монографии закономерности эволюции жизненного уровня рабочих, а также определение действующих здесь факторов (прежде всего классовой борьбы) позволяют глубже понять многие сложные явления, которые до сих пор далеко не однозначно трактуются исследователями, в том числе и урбанизацию, влиявшую на материальный быт рабочих.

Важным вкладом в развитие методики научного исследования являются примененные автором приемы обработки и группировки массовых статистических материалов,

¹ «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. 2 (Профессиональная перепись), М., 1926; Свод цифровых данных о численности фабричного населения в Европейской России и фабричной полиции.— ЦГАОР СССР, ДП, 2 д-во, 1897, оп. 54, д. 38, т. I и II.

дополняемых данными, извлеченными из разнообразных источников. Эти приемы, а также богатый фактический материал монографии, несомненно, привлекают внимание исследователей, изучающих положение пролетариата как в самых широких — общероссийских, так и в более узких, локальных границах.

В то же время, как нам кажется, и сам Ю. И. Кирьянов мог бы в большей степени использовать в своей работе материалы о положении рабочих разных групп и районов страны, уже собранные и обобщенные другими исследователями. Это помогло бы ему нарисовать более полную картину жизненных условий российского пролетариата, а также выявить различия в положении отдельных его локальных групп. Сейчас эти различия (в отличие от отраслевых особенностей) характеризуются слишком бегло и поверхностно. Вообще нельзя не пожалеть, что автор по существу ограничился материалами лишь о рабочих Европейской части России, причем в основном фабрично-заводской промышленности. Хотя такое сужение территориальных рамок исследования в значительной мере оправдано стремлением использовать наиболее полные и доброкачественные источники, все же думается, что автор мог бы шире привлекать для сравнения данные локальных исследований.

В работе Ю. И. Кирьянова убедительно показано значение классовой борьбы в повышении жизненного уровня рабочих. Но роль другого, также важного фактора — экономического, связанного с техническим прогрессом и индустриализацией производства охарактеризована, на наш взгляд, слабее.

Отмеченные недостатки, разумеется, не снижают ценности монографии Ю. И. Кирьянова в целом. Построенная на прочном фундаменте обширного фактического материала, проанализированного с марксистских методологических позиций, она является, безусловно, удачным опытом обобщающего исследования о рабочих капиталистической России.

Выявленные автором закономерности эволюции жизненного уровня рабочих и определенные на основании убедительных расчетов средние показатели основных компонентов этого уровня (зарплаты, питания, жилищно-бытовых условий, бюджета времени) будут служить важным ориентиром для специалистов, занимающихся проблемой экономического положения рабочего класса в прошлом и настоящем.

В то же время удачная структура монографии и четкое изложение в ней основных идей и выводов автора, проиллюстрированных яркими примерами, несомненно облегчат восприятие этой серьезной научной работы и широким читателем, всегда интересующимся историей героического пролетариата России, его положением и борьбой за свои права и интересы.

Т. К. Гуськова

О. В. Курочкін. Новорічні свята українців. Традиції і сучасність. Київ, 1978, 191 с.

Монография А. В. Курочкина — первое обобщающее исследование, посвященное зимней календарной обрядности украинцев. С большой полнотой использованы в ней письменные, в том числе архивные, источники, а также полевые материалы, собранные автором. Книга состоит из двух разделов: традиционные новогодние праздники украинцев во второй половине XIX — начале XX в. и новогодние праздники на Украине в советский период. Во «Введении» автор формулирует поставленные задачи и подчеркивает актуальность изучения народной традиционной обрядности, его значение как для борьбы с сохраняющимися еще порою отрицательными пережитками, так и для использования прогрессивных традиционных элементов в оформлении современных праздников.

В первом, основном, разделе книги обстоятельно рассматриваются не только собственно новогодние святочные обряды, охватывающие период от рождества до крещения, но и предшествующие им зимние обряды, исполнявшиеся в разные дни, начиная с покрова, когда впервые задумывались о зиме. Таким образом, в книге охарактеризована вся зимняя обрядность украинцев, центром которой была новогодняя обрядность, рассмотренная, естественно, особенно детально.

Анализируя элементы обрядовых комплексов, автор отмечает среди них как общие для восточнославянских и других славянских народов, так и специфически украинские, причем им выявляются региональные комплексы и местные особенности; где возможно, отмечаются и социальные различия в праздновании Нового года в украинской деревне конца XIX — начала XX в.